

Любовь Федунова

«Это древо
в веках называлось
Россия...»

Санкт-Петербург
2019

Р 1569428

БОЛОГОДСКАЯ
областная библиотека
им. И. В. Бабюшкина

«СЛОВНО ЗЕРКАЛО РУССКОЙ СТИХИИ»: РУБЦОВ И ПУШКИН

В 1977 году поэт Глеб Горбовский пишет поэму «Русская крепость», посвящённую Николаю Рубцову.

Мне явился прохожий в лаптях.
За плечами — котомка.
Можжевеловый посох
И синяя — взгляда каёмка.
Весь он был непонятный,
какой-то киношный, потешный
и пропахший дорогой —
не нашей, бензинной, а — пешей.

Такими словами начинается поэма, где странник призывает из «современной крепости» — из мирка, «облицованного камнем», пройти вновь дорогами России, чтобы начать своё духовное восхождение к тем «русским крепостям», которые «шлифовали сердца»: через Петербург, Москву, Новгород, Псков. И вот перед лирическим героем поэмы возникают «святогорские камни».

...Святогорские камни!
Как мудро, что вы уцелели.
Вас не чудо хранило,
не строгие буквы запрета,
а всего лишь —
угасшее, брэнное тело поэта.
Святогорский утёс.
Мавзолей из листвы над могилой...
По ступеням иду.
Каждый камень наполнен тут силой
не гранитной — духовной!

Неслучайно поэма посвящена Николаю Рубцову, названному Горбовским «долгожданным поэтом», без которого «надвигалось кислородное голодание эпохи».

Её страницы помогают нам осмыслить духовные устремления современного человека, связанные с постижением русской истории и литературы, со стихией русской жизни, с художественным видением поэта, для которого фигура странника является одной из главных. Но это не обычный странник, а странник с душой поэта, «очарованный странник», идущий старыми дорогами России.

Здесь каждый славен — мёртвый и живой!
И оттого, в любви своей не каюсь,
Душа, как лист, звенит, перекликаясь
Со всей звенящей солнечной листвою,
Перекликаясь с теми, кто прошёл,
Перекликаясь с теми, кто проходит..
Здесь русский дух в веках произошёл,
И ничего на ней не происходит..
Но этот дух пройдёт через века!

(Николай Рубцов, «Старая дорога»)

Душа поэта, в какую бы эпоху он ни жил, может стремиться к постижению вечности, но не всякому поэту она откроет свои врата, ведущие к свету. Для этого поэту нужно подняться над веком, а значит — над самим собой. Духовное восхождение, духовное самоутверждение важны для каждого поэта, а для русского поэта они невозможны без понимания «русской стихии».

Понятие «стихия» очень ёмкое. У Владимира Даля, как одно из значений этого слова, «стихия — это вещественное начало, основа, природное основанье». Выражение «русская стихия» — очень ёмкое выражение, но особенно глубокий информационный пласт заключается в нём, когда мы произносим его в контексте стихотворения Н. Рубцова «О Пушкине».

Словно зеркало русской стихии,
Отстояв назначенье своё,
Отразил он всю душу России!
И погиб, отражая её...

*Николай Михайлович Рубцов
(1936–1971)*

Слов немного в этом поэтическом этюде, но они все ключевые по отношению к творческой судьбе поэта. Очень важны паузы между словами, которые «словно выдохнуты, без усилия выхвачены из творческого сознания поэта» (В. Кожин). В этом небольшом стихотворении — художественная завершенность, свой внутренний сюжет, связанный с трагической, но прекрасной судьбой, потому что своё главное назначение поэт выполнил: «отразил он всю душу России» и «погиб, отражая её».

Велика роль контекста, как во всех остальных поэтических этюдах Н. Рубцова о русских писателях, связанного с глубиной понимания жизненной, гражданской и литературной позиции поэта.

Сравнивая Пушкина, а значит — мир его поэзии, с «зеркалом русской стихии», Николай Рубцов подчёркивал «природное основание» (В. Даль) его таланта, обладающего цельностью и глубиной знания русской жизни, русской истории, природы, русского духа и русского слова. Именно это было самым главным для Рубцова в духовном опыте поэта. Вспомним рецензию Н. Рубцова на стихи Ольги Фокиной; она начинается словами: «Поэты — носители и выразители поэзии, существующей в самой жизни — в чувствах, в мыслях, настроениях людей, в картинах природы и быта».

Уместно было бы напомнить тем писателям, которые смотрят и по сей день на Россию из-под насупленных бровей, находя в истории наших предков только «садизм» и «ужасные примеры варварства», что основу её цивилизованного своеобразия составили духовность русского человека, склад ума и характер которого формировались безграничностью равнинных просто-

ров России, полноводьем рек, шумом вековых лесов. Именно это определяло широту натуры русского человека, распаханность его души, постоянную устремлённость в безграничную даль, в бесконечность.

Подлинными художниками слова, среди которых были Пушкин, Лермонтов, Гоголь, Достоевский, Толстой и другие, стремились создать свою «правду» о России, и она не была, по мысли Н. Бердяева о Достоевском, «слащавой», «розовой правдой народолюбия и народопоклонства», это была «правда трагическая» (Н. Бердяев. «Духи русской революции»). Но самое

главное, они были особенно чутки к России «в годину величайших народных унижений, созерцая образ нетленной красоты и древней славы её» (Г. Федотов. «Лицо России»), интуитивно чувствуя, что в русской душе скрываются огромные внутренние силы для обновления всего мира, о чём писал А. Блок в стихотворении «Скифы».

Поспешным выводам некоторых современных писателей, которые считают, что душа России «груба и жестока», следует напомнить слова А. С. Пушкина о том, что «Россия слишком мало известна русским». Поэтому с раннего детства он впитывал в себя всё то, что было насыщено русским духом. Будучи в зените славы, внешне погружённый в заботы суетного света, отстаивал своё право на реалистическую поэтику. Столкнувшись с широким мнением критиков о том, что он «отстал от времени», Пушкин пишет стихотворение «Румяный критик мой, насмешник толстопузый...» (1830 г., при жизни поэта не опубликовано), где ведёт воображаемый спор с теми, кто привык видеть деревню, изображённую только в идиллических красках. Пушкин одним

*Александр Сергеевич Пушкин
(1799–1837)*

из первых в русской литературе показал прозаическую изнанку деревни, проза решительно вторгается в поэзию.

Смотри, какой здесь вид: избышек ряд убогий,
За ними чернозём, равнины скатотлогий,
Над ними серых туч густая полоса.
Где нивы светлые? Где тёмные леса? Где речка?
На дворе у низкого забора
Два бедных деревца стоят в отраду взора,
Два только деревца, и то из них одно
Дождливой осенью совсем обнажено...
.....
И только. На дворе живой собаки нет.
Вот, правда, мужичок, за ним две бабы вслед.
Без шапки он; несёт подмышкой гроб ребёнка
И кличет издали ленивого попёнка,
Чтоб тот отца позвал да церковь отворил.
Скорей! ждять некогда! давно бы схоронил.

Лаконизм, простота, искренность стали основой реалистической поэтики Пушкина, основой русской литературы. И. Ильин писал: «Пушкин показал, что искусство чертится алмазом: что «лишнее» в искусстве нехудожественно, что духовная экономия, мера и искренность составляют живые основы искусства и духа вообще».

Преодолевая соблазн внешнего искушения, собственного малодушия, Пушкин с ранней юности неутомимо работал над самим собой и ясным, сильным умом осмысливал бегущие мимо события. После казни декабристов долго и безуспешно бродил по острову Голодай, отыскивая место их захоронения. По бездорожью отправился в Оренбургский край, чтобы собрать достоверные материалы к «Капитанской дочке». Вспомним, какой богатый материал о пугачёвцах дала эта поездка: например, Ирина Афанасьевна Бунтова рассказала, что под крепостью Татищево во время весенней оттепели реки вскрылись, и тела убитых поплыли мимо крепостей, а жёны и матери старались узнать своих близких среди них. Одна казачка клюкой пригребала плывущие трупы со словами: «Не ты ли, моё детище? Не ты ли, мой Стёпушка? Не твои ли чёрные кудри свежа вода моет?» И фамилия казачки — Разина

(мать отыскивала среди пугачёвцев своего сына Степана Разина; был такой пугачёвец — Степан Разин (Игорь Смольников. «Путешествие Пушкина в Оренбургский край»).

Каждая встреча с Пушкиным нас всегда волнует, как волнует дорога к храму, в котором «светлое провидение» может осенить нашу душу. Мы относимся к его творчеству как к духовному завещанию, потому что, по словам Достоевского, «повсюду у Пушкина слышится вера в русский характер, вера в его духовную мощь». В нём, считает писатель, не было желания «поднять народ до себя и осчастливить его этим поднятием, всё роднило его с народом взаправду и доходило до какого-то простодушного умиления». Разве могут нас не взволновать мысли Пушкина о России: «Клянись вам моей честью, что я ни за что не согласился бы ни переменить родину, ни иметь другую историю, чем история наших предков, какую нам послал Бог». Как много открыл бы для нас великий русский поэт, если бы мы, по мысли философа Ивана Ильина, научились бы «подходить к Пушкину не от деталей его эмпирической жизни и не от анекдотов о нём, но от главного и священного в его личности, от вечного в его творчестве, от купины неопалимой, от его пророческой очевидности». Особенно ценны «художественные прозрения поэта», считал Достоевский, оставленные для «будущих работников на этой же ниве»: «Положительно можно сказать: не было бы Пушкина, не было бы и последовавших за ним талантов». «Пушкин, как художник», «стоит на абсолютной высоте», считал С. Аксаков, потому что он был «цельный художник с живою русскою душою». Эта «русская стихия» виделась Аксаковым у Пушкина «не в одном только русском языке, доведённом Пушкиным до изумительного совершенства, силы, образности и мужественной красоты», «не только во внешней стороне его творений, но и во внутренних сторонах его творчества».

Каждая встреча с Пушкиным, с поэтом, который, «отстояв назначенье своё», отразил «всю душу России» и «погиб, отражая её», проходила очень глубоко через сердце Николая Рубцова, через его биографию. Александра Меньшикова, учитель Никольской школы, вспоминала, что нередко на уроках грамматики она читала стихи Пушкина, а Коля внимательно слушал и улыбался. Валентин Сафонов, характеризуя «круг литературных

привязанностей» Рубцова на военной службе, называет имена Есенина, Тютчева, Фета, Блока, Хлебникова и, конечно, Пушкина и Гоголя. Сергей Багров как-то побывал в Николе и позднее вспоминал разговор с Рубцовым о поэзии. Речь зашла о Тютчеве, о Пушкине, и Рубцов с «задумчивым, мрачным и беспокойным лицом» произнёс: «Нам бы вместе сойтись — Пушкин, Тютчев, Есенин, Рубцов». А после отъезда Багрова прислал ему письмо, где были такие строчки: «Я очень рад был твоему приезду. Спасибо тебе, что «наш двор уединённый, пустынным снегом занесённый, твой колокольчик огласил!»»

Но, конечно, приверженность Рубцова великому поэту состояла не в том, сколько раз он повторил его имя или цитировал его стихи. Главное для него — высокое гражданское чувство поэта, острота ощущения своего времени, осмысление отношения к поэтическому слову.

Творя бессмертное творенье,
Смирясь бойких рифм дожди,
Тружусь. И чувствую волненье
В своей прокуренной груди.
Строптивый стих, как зверь страшный,
Горбатаясь, бьётся под рукой.
Мой стиль, увы, несовершенный,
Но я ж не Пушкин, я другой...

(Н. Рубцов. «Мой чинный двор зажат в заборы»)

И, может быть, современному «румяному критику» не понравилась бы картина, нарисованная в стихотворении Н. Рубцова «Осенний этюд», так похожая на пушкинское творение.

Утром проснёшься на чердаке,
Выглянешь — ветры свистят!
Быстрые волны бегут по реке,
Мокнет, качается сад.
С гробом телегу упорно трясёт
В поле меж голых раkit. —
Бабушка дедушку в ямку везёт, —
Девочке мать говорит...

Ты не печалься! Послушай дожди
С яростным ветром и тьмой,
Это цветочки ещё — подожди! —
То, что сейчас за стеной.
Будет ещё не такой у ворот
Ветер, скрипенье и стук.
Бабушка дедушку в ямку везёт,
Птицы летят на юг...

(Н. Рубцов. «Осенний этюд»)

Для каждого поэта его поэзия — это, прежде всего, условие духовного самоутверждения, но для подлинного русского поэта, каким был А. С. Пушкин, да и Николай Рубцов, которых «русская стихия» ни на минуту не отпускала от себя, было главным желание увидеть живую Россию со всеми её национально и исторически сложившимися трудностями и противоречиями.

Снега, снега... За линией железной
Укромный, чистый вижу уголок.
Пусть век простит мне ропот бесполезный,
Но я молю, чтоб этот вид безвестный
Хотя б вокзальный дом не заволок!

(Н. Рубцов. Поэзия)

Укромный, чистый уголок России — это уголок поэзии, где «расцвёл душою Пушкин молодой», откуда пришёл «сказочный Кольцов», где вместе с чувством «древности земли» «радость на душе струится». Этот уголок чистоты органически входил в душу лирического героя Николая Рубцова. Поэт относился к творчеству Пушкина как к духовному завещанию, стремясь постигнуть азбуку русского национального характера, заглянуть в тайны русской души, русской истории, стремясь к художественному обобщению «русской стихии» через слово. Он опирался на его художественный метод, основанный на мощном синтезе природы и человека. Пушкин был дорог Рубцову не только своим художественным дарованием, но и своим восхождением к общечеловеческим нравственным идеалам, своей духовной мудростью.

Рубцов воспринимал старину, как и А. С. Пушкин, не любуясь археологическими находками, а стремясь к художественному обобщению через слово. Для него главное — не лубочные картинки старой Руси, а исповедальные мотивы. Всё, что «выплывает» из прошлого, становится только «родней и больней» для поэта, душа которого «хранит всю красоту былых времен». Сердце Рубцова постоянно откликается на пророческий призыв Пушкина «...виждь и внемли».

Снег летит, гляди и слушай!
Так вот просто и хитро,
Жизнь порой врачует душу..
Ну и ладно! И добро.

Рубцов — вечный слушатель и собеседник России, поэтому она открывает ему всё больше своих тайн и истин.

Взглянул на кустик — истину постиг.
Он и цветёт, и плодоносит пышно,
Как в тишине поит его родник.

Рядом с невысоким кустиком, который постиг истину земного существования и поэтому «пышно плодоносит», растут «худые деревца», стремящиеся к солнцу, но забывшие, что земля им нужнее, потому что питает живительной влагой. Они «обожглись», так как растут далеко от родника, на скудной лужайке. В этом стихотворении Н. Рубцова заключена аллегория, важная для постижения стихии рождения поэтического чувства, обобщающая опыт жизни поэта и его творческий порыв. Его лирический герой никогда не стремится приподняться над толпой, над шумной сутолокой жизни: он тянется ко всякой стихии, и его чувства растворяются в ней, что позволяет душе человека соединиться в неразделимое целое, в одну гармонию с природой и поэтическим словом.

Поэтому неудивительно, что вырастающие на такой «скудной лужайке» писатели, да и литературные критики, не понимающие специфики художественного видения поэта, для которого прошлое, настоящее и будущее слиты в одну гармонию поэтического

чувства, завидуя посмертной славе поэта, начинают упрекать его в «славянофильстве». Они недальновидно считают, что «историческое не входит органично в плоть стихов Н. Рубцова, не растворяется в них, оставаясь лишь на поверхности», и что «поэт ощущал прошлое слишком общо и неконкретно».

«Исторические стихи только тогда могут быть хороши, когда автор обладает особым складом воображения, при котором исторические картины в его сознании оживают, наполняются движением, подробностями», — пишет Э. Шнейдерман в книге «Слово и слава поэта. О Николае Рубцове и его стихах». Но следует заметить, что Рубцов никогда не ставил перед собой задачу писать «исторические стихи» и из древности никогда не делал икону, а, следовательно, интереса к наружным деталям истории у него не было. Его лирический герой стремится осмыслить и прошлое, и настоящее, и будущее одновременно.

Я буду скакать, не нарушив ночное дыханье
И тайные сны неподвижных больших деревень.
Никто меж полей не услышит глухое скаканье,
Никто не окликнет мелькнувшую лёгкую тень.

Нельзя согласиться с Э. Шнейдерманом и в том, что «Русь» у Рубцова «была совершенно нереальной, выдуманной целиком»: «Он сам её такую в себе выстроил из отдельных отзвуков, отблесков, обломков... Но строил — по чужому чертежу, — была ведь уже такая лет за сто до того, однако развалилась, обветшав, и это её обломки он использовал для своей постройки...»

Да, Рубцов возводил в стихах собственную модель Руси с «могильными крестами», «туманом над омутной водой», с «усталым полюшком», с «гнетущей погаснувшей высью», с «ветвями больших берёз», но его «неприкаянный, мрачный, ночной» лирический герой стремится принять душой стихию света: он созерцает «звёзды над бездной», «пустынный свет на звёздных берегах», и «вереницы птиц» над Россией. Душа его постоянно тянется к спасительному свету. С каждым новым произведением Рубцов всё ближе подходил к народному идеалу, как и его духовный предшественник А. С. Пушкин, творчество которого, по словам Белинского, представляло «землю, проникнутую небом».

Лирический герой и Пушкина, и Рубцова — это личность замечательная своей душевной чистотой и всечеловеческим обаянием, это представитель нации, который как бы аккумулирует в себе историю России, отражает её самобытность. Это человек с обострённым чувством чести, непримиримый ко лжи и лукавству, одухотворённый человеколюбием и красотой окружающего мира. Он постоянно стремится к свету, открывающему тайны мира и тайны русской души.

Чудный месяц горит над рекою,
Над местами отроческих лет,
И на родине, полной покоя,
Широко разгорается свет...
Этот месяц горит не случайно
На дремотной своей высоте,
Есть какая-то жгучая тайна
В этой русской ночной красоте!

(Н. Рубцов. «Тайна»)

Николая Рубцова Э. Шнейдерман упрекает и в том, что главное «население деревенских стихов» — это, главным образом, «старики и старухи, думающие свою думу, целиком погружённые в себя». Но это прямое подтверждение тому, что Рубцов, как и Пушкин, не стремился «поднять народ до себя», «все роднило его с народом взаправду»: он вслушивается в «тревожный ропот вечерних нескольких старух», беседует с «добрым Филей», с пастиухом, и все они открывают кладезь мудрости для поэта.

— А ты не заметил, как годы прошли?
— Заметил, заметил! Попало, как надо.
— Так что же нам делать? Узнать интересно.
— А ты, — говорит, — полюби и жалея, И помни
хотя бы родную окрестность,
Вот этот десяток холмов и полей...
— Ну ладно! Я рыжиков вам принесу...

(Н. Рубцов. «Жар-птица»)

Николай Рубцов всей глубиной своей души чувствовал драму русской деревни; его стихи наполнены правдой жизни, правдой

мироощущения художника слова, испытывающего и гордость, и боль за Россию.

Россия! Как грустно! Как странно поникли и грустно
Во мгле над обрывом безвестные ивы мои!
Пустынно мерцает померкшая звёздная люстра,
И лодка моя на речной догнивает мели.

*(Н. Рубцов. «Я буду скакать
по холмам задремавшей Отчизны...»)*

Микрокосм русской души сложен и многообразен, особенно если это душа художника слова. В этом мы убеждаемся, когда пытаемся осмыслить поэтические этюды Н. Рубцова о русских писателях, душа которых, как зеркало, отражала «русскую стихию», русский путь.

В стихотворении «Однажды», в котором дано философское осмысление драмы Гоголя, Рубцов нарисовал эпизод, когда, устав от духоты, писатель вышел из кареты на свежий воздух, чтобы «оплакать детства светлые года», «время надежд и счастья». Когда-то он был убеждён, что его творчество поможет найти обществу моральные рычаги, с помощью которых можно было бы перевернуть Россию, но, надломленный несбыточной утопией нравственного совершенствования помещиков, столкнувшись с правдой жизни, уставший от борений с собственным душевным недугом и физическим, он отступает и от своих мыслей, и от своего могучего дарования. И теперь уже «силуэты позабытых тощих деревень», кроме жалости, ничего не вызывают в его душе. Стихия этих чувств заключена в словах: «Не мог представить будущее время и произнёс: «Как скучно, господа». Какой лаконизм и, вместе с тем, какова глубина осмысления Рубцовым драмы Гоголя, приведшей, в конце концов, к той роковой ночи, когда была уничтожена рукопись второго тома «Мёртвых душ»!

Взгляд Рубцова на судьбу и творчество русских писателей отражает природно-духовно-социальную почву их таланта; особенно очевидным это становится, когда Рубцов пишет о Достоевском: он создаёт в стихотворении «В гостях» модель художественного видения самого писателя.

Трущобный двор. Фигура на углу.
Мерещится, что это Достоевский.
И жёлтый свет в окне без занавески
Горит, но не рассеивает мглу.
Гранитным громом грянуло с небес!
В трущобный двор ворвался Достоевский,
Как тяжело ссутулился, исчез...

(Н. Рубцов. «В гостях»)

Нельзя не заметить, что лирический герой Рубцова тесно слит со стихией героев Достоевского, с приметами петербургского пейзажа: «трущобный двор», «жёлтый свет», «ветер резкий». При этом стихия ветра как бы соединяет два временных пласта в одно пространство, отражая нелёгкую судьбу писателей двух эпох. Жизнь на виду у толпы, со всеми бытовыми дрызгами, когда в дверях кто-нибудь «торчит», была до боли знакома Рубцову. Но в стихотворении это не главный мотив. Для лирического героя страшнее всего «гаснущая лира поэта, который, пройдя через суровые жизненные испытания, потерял веру в себя («жёлтый свет в окне без занавески» «не рассеивает мглу»). Проблема «угла» для творческой личности близка и понятна лирическому герою Рубцова. Это подчёркивается уже первой строкой стихотворения «Трущобный двор. Фигура на углу».

Этюды Н. Рубцова о русских писателях пока ещё не нашли достойной оценки в рубцововедении, а отдельные авторы называют их «неудачными», «придуманными».

Но если рассматривать их с точки зрения художественного видения Рубцова, которое является уникальным по лаконизму и силе выразительности слова, то можно в каждом из них почувствовать глубокую художественную правду о поэтической судьбе, об идеалах и разочарованиях Гоголя, Достоевского, Лермонтова, Пушкина, Есенина, глубокое знание их внутренней драмы, связанной с судьбой России.

Например, говоря о поэтической судьбе Сергея Есенина, Рубцов не называет конкретные детали «прошлого дня» из жизни поэта, а чтобы мы почувствовали атмосферу русской жизни того времени, он употребляет выражения: «все земные святыни

и узы», «вёрсты все потрясённой земли», «своенравность есенинской музыки», и за ними — боль и любовь поэта Сергея Есенина, его внимательное и ревнивое отношение к России, осознание собственной любви и боли, своего неповторимого чувства к «земным святыням и узам», к поэзии.

Вёрсты все потрясённой земли,
Все земные святыни и узы
Словно б нервной системой вошли
В своенравность есенинской музыки!

А как высок интонационный взлёт и эмоциональный накал последнего четверостишия и мысль о неразделимости поэтических судеб двух поэтов.

Это муза не прошлого дня.
С ней люблю, негодую и плачу.
Много значит она для меня,
Если сам я хоть что-нибудь значу.

(Н. Рубцов. «Сергей Есенин»)

Нельзя не почувствовать, читая этюды о русских писателях, что Рубцов стремится глубоко переосмыслить пушкинский завет «жить, чтоб мыслить и страдать» по отношению к каждому из них, что Рубцов, как и Пушкин, — поэт-мыслитель, а сфера его мысли — духовный опыт русских писателей. Поэтому для него не было необходимости воспроизводить подробности их эмпирической жизни.

Эти стихи исповедальны, потому что вбирают в себя духовный опыт самого автора, в них — светлая грусть горячеей и любящей души, ощущение бесконечной широты духовного простора, сознание стихии народной жизни, отразившейся в судьбе художника слова, каждый из которых — сын своего века и своего поколения, а значит, по словам философа И. Ильина, «своей судьбой заплатил дань времени».

В 1835 году Пушкин написал стихотворение «Странник», которое при жизни не было опубликовано. Это было вольное переложение первой главы «Пути паломника» Джона Беньяна. Пушкин ввёл вместо слова «пилигрим» — «странник», придал стихотворению

более исповедальный характер. Сама фигура странника связана с художественной традицией русского фольклора, древней литературы, с образами скитальцев, искателей счастливой доли. Образы русских «странников», несомненно, отражают народную стихию, так как душа «странника» никогда не отдыхает, она несёт в себе особую энергию, связанную с обострённым чувством чести, высоким чувством долга и непримиримостью ко лжи, лукавству. Зачастую «странники» — люди, одухотворённые человеколюбием, как Иван Северьянович Флягин (Н. Лесков. «Очарованный странник»), который объясняет причину своих странствий очень просто: «Мне за народ помереть хочется». В них — непомерная душевная сила в противовес тем людям, которые не имеют доброго идеала, а увлечены только новыми веяниями. Это «странники» Лескова, Достоевского, Чехова, Толстого. Странничество — яркое проявление духовности русского характера, стихийное стремление к добру и тем нравственным идеалам, которые таятся в глубоких и чистых родниках народного сознания.

В стихотворении Пушкина «Странник» странничество можно трактовать как состояние духовного беспокойства, устремлённости от земного к вечному. Поэт считал, что в самом человеке уже с рождения есть «таинственный инстинкт сверхъестественного», потому что он «есть создание Духа мудрости и любви». Но не у всякого человека этот инстинкт проявляется с такой силой, как в герое стихотворения «Странник».

Однажды странствуя среди долины дикой,
Незапно был объят я скорбию великой
И тяжким бременем подавлен и согбен,
Как тот, кто на суде в убийстве уличен.
Потупя голову, в тоске ломая руки,
Я в воплях изливал души пронзённой муки
И горько повторял, метаясь, как больной:
«Что делать буду я? Что станется со мной?»

Лирический герой стихотворения объят «скорбию великой», томим страхом смерти и суда загробного, поэтому ищет духовного прибежища. Но его тревоги, слёзы непонятны окружающим, и даже в собственной семье признают безумцем.

Своего героя Пушкин называет «духовным тружеником». После встречи с таинственным юношей он бежит из дому, потому что юноша открывает перед ним таинственный свет и главную для духовного искания истину.

«Я вижу некий свет», — сказал я наконец.
«Иди ж, — он продолжал, — держись сего ты света;
Пусть будет он тебе единственная мета,
Пока ты тесных врат спасенья не достиг,
«Ступай!» —
И я бежать пустился в тот же миг.

(А. Пушкин. «Странник»)

Несомненно, у этого стихотворения библейская основа. «Я — свет миру, — сказал Спаситель, — входите тесными вратами, потому что широкие врата и пространен путь, ведущие к гибели, и многие идут ими, потому что тесны врата и узок путь, ведущие в жизнь, и немногие находят их». Божественный дух непостижим, но нам дано знать, что он — могучий источник духовного света для человека. А духовный свет — это движение потока мыслей, сознания людей. Духовный свет наполняет энергией душу и тело. Духовный свет делает человеческую душу разумной, он пробуждает в человеке совесть. Пробуждение совести — великое благо для человека, а потеря её — страшная беда.

Лирический герой произведений Пушкина и Рубцова — это зачастую «странник», идущий к свету истины, «духовный труженик»; в нём непрерывно идёт процесс созревания и углубления духовной умудрённости и нередко возникает «горная, сумрачная цепь загадок и вопросов».

Пушкин, постоянно чувствуя, что душа его наполнена страстью, упрекал себя в том, что ум взволнован сомнением.

Цели нет передо мною:
Сердце пусто, праздною ум,
И томит меня тоскою
Однозвучный жизни шум.
«Дар напрасный, дар случайный»

(А. Пушкин)

Он бесстрашно погружает нас в своей лирике в бездну души поэта, идя «тесными вратами» к истине, и тем самым возвышает нас над этой бездной.

Не спрашивай, зачем унылой думой
Среди забав я часто омрачён,
Зачем на всё подъямлю взор угрюмый,
Зачем не мил мне сладкой жизни сон;
Не спрашивай, зачем душой остылой
Я разлюбил весёлую любовь
И никого не называю милой —
Кто раз любил, уж не полюбит вновь;
Кто счастье знал, уж не узнает счастья.
На краткой миг блаженство нам дано:
От юности, от нег и сладострастья
Останется уныние одно...

Вспомним определение лирической поэзии, которое даёт Гоголь в «Учебной книге словесности для русского юношества»: «Поэзия лирическая есть портрет, отражение и зеркало собственных высших движений души поэта, его самонужнейшие заметки, биография его восторгновений. Она есть, начиная от самых высших до самых низших её родов, не что иное, как отчёт ощущений самого поэта»¹. Как близки эти слова стихам Рубцова, в которых он сравнивает Пушкина с «зеркалом русской стихии».

Философ И. Ильин очень ярко сформулировал творческую задачу поэта: «Такое было великое задание Пушкина: принять русскую душу во всех её исторических и национально сложившихся трудностях, узлах и страстях; и найти, выносить, выстрадать, осуществить и показать России достойный её творческий путь, преодолевающий эти трудности, развязывающий эти узлы, вдохновенно облагораживающий и оформляющий эти страсти». Но, чтобы понять стихию русской души, самые глубинные её моменты, чтобы принять её в полном объёме и глубине, надо уметь видеть живую Россию и открывать глубинные моменты народной жизни. Именно в этом и заключался «русский ум» Пушкина,

¹ По кн.: Бурсова Б. Судьба Пушкина. С. 237.

о котором пишет И. Ильин и который так близок Рубцову, назвавшему поэта «зеркалом русской стихии».

«Сумрачная цепь загадок и вопросов» никогда не покидает лирического героя Рубцова: это «человек с раздумьем на лице, который «чуток, как поэт, бессилён, как философ».

Как же так — скажи на милость! —
В наши годы, милый гость,
Все прошло и прокатилось,
Пролетело, пронеслось?
Красным, белым и зелёным
Нагоняем сладкий бред...
Взгляд блуждает по иконам...
Неужели Бога нет?

(Н. Рубцов. «Гость»)

Свобода, когда душа пустым взглядом «блуждает по иконам», отражает образ стремительного и катастрофического движения времени и судьбы, о чём с тревогой писал ещё в 1911 году Николай Гумилёв:

Я верил, я думал, и свет мне блеснул наконец;
Создав, навсегда уступил меня року Создатель;
Я продан! Я больше не Божий! Ушёл продавец,
И с явной насмешкой глядит на меня покупатель.

Стихийное отпадение человека от Бога, от возвышенного нравственного идеала, нарушение гармонической ясности души, когда человек становится рабом какой-то бытовой стихии, подвергаясь греховным соблазнам власти, богатства, открывает перед человеком бездну зла.

Николай Рубцов, как истинный сын России, стремился тоже, как и Пушкин, постичь азбуку русского национального характера, заглянуть в бездны русской души, увидеть её путь к свету истины, к покаянию и воскрешению через покаяние, к возможному выбору «тесного пути между светом и тьмою». А борьба стихии «света» и «тьмы» в природе — одна из ключевых в поэтическом мире Николая Рубцова. В. Кожин отмечал, что «свет в поэтическом мире Николая Рубцова предстаёт как необычно

гибкая, богатая движением и оттенками стихия». И всё это связано с человеческой судьбой, поэтому читатель чувствует себя причастным к этому движению.

Когда стою во мгле,
Душе покоя нет:
И омуты страшной,
И резче дух болотный.
Миры глядят с небес,
Свой излучая свет,
Свой открывая лик,
Прекрасный, но холодный...

(Н. Рубцов. «Ночное ощущение»)

Несмотря на то, что «миры глядят с небес, свой излучая свет», лик этот будет «прекрасным, но холодным», потому что момент духовного просветления в душе человеческой ещё пока не наступил: он достигается лишь внутренним зрением и слухом, когда происходит слияние мира и человека и преодолевается «граница» между ними.

Усни, могучее сознание!
Но слишком явственно во мне
Вдруг отзовется увяданье
Цветов, белеющих во мгле.
И неизвестная могила
Под небеса уносит ум,
А там — полночные светила
Наводят много-много дум...

Пушкин пришёл в русскую литературу в тот период, когда мировая история и литература очень глубоко начали осмысливать, что же такое Россия, что такое русский человек и русский народ, чем он отличается от человека Запада и Востока и что заимствовал у него. Именно над этими вопросами размышляет в своей речи о Пушкине Достоевский, увенчанный лавровым венком за свою речь и положивший его к подножию памятника Пушкину в Москве. Достоевский говорил о «русском скитальце», которому необходима всемирная гармония. В его речи звучал пафос призыва

к России «положить душу свою за други своя». Это была та проповедь, то пророчество, которые спустя век стали неоспоримым фактом для Рубцова: «Отразил он всю душу России! И погиб, отражая её...» В. Непомнящий в книге «Поэзия и судьба» объясняет нам, почему так близок Пушкин всякой творческой личности: «В Пушкине есть неоспоримость, и притом не стесняющая нашей свободы, дающая ей простор. Рано или поздно это начинает чувствовать любая крупная творческая личность в русской культуре» (стр. 183). Стихия народной жизни, а не лубочные картинки старой Руси, боль за Россию, правда жизни русского человека — всё это близко и дорого Рубцову в поэзии Пушкина. Особенно ярко это чувствуется, когда мы сопоставим близкие по тематике произведения, в которых мотив духовных исканий героев, напоминающих отсечённые ветви от живого древесного ствола, связан с их грехопадением, своеволием, нарушением гармонической ясности души.

Они ведут разбойничий образ жизни, но жизненные испытания приводят их к очистительным страданиям и к желанию изменить что-то в своей душе.

Речь идёт о незаконченной поэме Пушкина «Братья-разбойники».

И в «Братьях-разбойниках», и в «Разбойнике Ляля» — мощный романтический пласт: он помогает нам погрузиться в бездну души героев, понять тайную мелодию сердца, в которой отражена мечта по идеалу.

По драматизму коллизии эти произведения очень близки друг другу. У Пушкина она связана с судьбой двух братьев. Среди рассказов, «сокращающих угрюмой ночи праздный час», звучит исповедь одного разбойника о юности удалой: испытал «нужды глас» и «гордое презрение к бедности», они взяли себе в товарищи «булатный нож да тёмну ночь, забыли радость и печаль, а совесть отогнали прочь».

Душа старшего брата-разбойника опустошена в конце концов, так как «могила брата всё взяла». («Окаменел мой дух жестокий, И в сердце жалость умерла».)

Романтический пафос борьбы в душе человеческой «света» и «тьмы» пронизывает оба произведения — и Рубцова, и Пушкина. Жизнь души, которая выбрала «промысел опасный» («Братья-

разбойники»), когда человек «сеет страх по всей лесной округе» («Разбойник Ляля»), когда забыта совесть, когда душе чужды даже стенания детей — это «пир во время чумы», это жизнь человека без света: в подземелье или среди лесного мрака. Особенно страшна эта «смердная темнота» для души, в которой начинают разгораться «докучной совести мученья».

Мотив совести, как пробуждения души, которая из «смердной темноты» начинает тянуться к свету, к богу, составляет, несомненно, главный пафос обоих произведений. Душа каждого человека нуждается в очищении от зла.

Патологические импульсы, стихии больного сознания могут привести к распаду личности, а могут дать движение душе. Несомненно, это движение души зарождается и у героев Пушкина, и у героев Рубцова как энергия любви, которая очень сложна, особенно если в ней нет отголосков сил Творца.

В «Братьях-разбойниках» мы слышим монолог старшего брата о том, как мучился перед смертью младший брат по поводу содеянных разбойничьих дел: «он видел пляску мертвецов, в тюрьму пришедших из лесов», «слышал ужасный шёпот» и «близкий топот», а всё чаще образ зарезанного старца «ему на мысли приходил», и он просил старшего брата в бреду: «Не режь его на старости лет...»

Свет денницы, который видели братья сквозь решётки тюрьмы, неумолимо врывается в их души и рождает мысль о свободе, достигаемой любой ценой. Побег из неволи, смерть младшего брата, «грешная молитва» над могилой — это всё движение души, разгорающийся уголёк совести в душе старшего брата.

Я помню, как в тюрьме жестокой
Больной, в цепях, лишенный сил,
Без памяти, в тоске глубокой
За старца брат меня просил.

Постепенно мы становимся свидетелями намечающегося пути к покаянию, пусть пока ещё через «грешную молитву», но всё же молитву. И это первые обнадёживающие шаги по пути к свету из смердной жизни.

Для разбойника Ляли источником пробуждения души становится встреча с прекрасной княжной.

Раз во время быстрого набега
На господ, которых ненавидел,
Под лазурным пологом ночлега
Он княжну прекрасную увидел.

После этой встречи у Ляли появляется фанатичное стремление утвердить себя в этой жизни на светлых началах: желание уйти из становья с княжной, чтобы «честно жить, как христианин, наслаждаясь миром и любовью». Вместе с описанием романтических грёз Ляли расширяется романтический пласт сказки, связанный с природой. Мечты Ляли связаны со светлым образом — образом моря, который глубоко элегичен.

Дом построим с окнами на море,
Где легко посвистывают бризы,
И, склонясь в дремотном разговоре,
Осеняют море кипарисы.
Будет сад с тропинкою в лиманы,
С ключевой влагою канала,
Чтоб всё время там цвели тюльпаны,
Чтоб всё время музыка играла...

В творчестве Рубцова преобладают краски сурового северного моря: это чаще всего «норд», который дует знобяще в лицо, а волны, как мускулы, взмыленно, рьяно ходят по чёрной груди океана. Образ южного моря, нарисованного в сказке «Разбойник Ляля», связан с мотивом вечной красоты и жажды нравственного очищения: для разбойника Ляли море — это порыв из лесного мрака к свету («мотив света пронизывает всю третью часть сказки: «под светлой луной», «светлый локон» — можно заметить нарастающую частотность слова «светлый»).

Вместе с мотивом моря в этом произведении появляется образ бриза — морского ветра. Образ ветра — это сквозной образ поэзии Рубцова, это зеркало души лирического героя. Стон ветра — это отражение постоянной, нескончаемой жизни души. Этот образ — один из главных в сказке, которую вернее было бы назвать поэмой «Разбойник Ляля». Он, ветер, повсюду сопровождает Лялю, когда тот, предчувствуя беду, отправляется за княжной. Ветер так же зол, как и Ляля.

Поздний час. С ветвей, покрытых мглою,
Ветер злой срывает листьев горсти.
На коне испуганном стрелою
Мчится Ляля в сильном беспокойстве.

Образ разгульного атамана и ветра сливаются в два дополняющих друг друга образа. Но помимо этого образ ветра врывается и в авторский пласт повествования: ветер сливается с душой автора, внося в сказку лирическое начало, что в большей мере присуще поэме, чем сказке. Образ ветра постепенно косвенно вносится в наше сознание через «шум сосен» (это тоже сквозной образ в поэзии Рубцова: «сказание сосен», «сосен долгий шум», «сосен долгий ряд») — всё это волнует поэта, навеивает сказания, легенды и новые думы, которые дают душе просветление, так как ветер ведёт с хвоей вечный спор, не даёт уснуть поэтическому сердцу.

Стихия ветра, связанная со «сказаньем сосен», пронизывает всю лирику Рубцова, иногда она помогает выразить отношение к миру самого автора.

Да как же спать, когда из мрака
Мне будто слышен глас веков,
И свет соседнего барака
Ещё горит во мгле снегов.
Пусть завтра будет путь морозен,
Пусть буду, может быть, угрюм,
Я не просплю сказанье сосен,
Старинных сосен долгий шум...

(Н. Рубцов. «Сосен шум»)

В «Разбойнике Ляля» образ ветра помогает понять душевное состояние и Ляли, и Бархотки.

Ляля залпом выпил из бокала
И в сердцах швырнул его к порогу. —
Там, где воют ветры и шакалы,
Там, в тайге, найдёшь себе дорожку!

А в 6-й главе автор заменяет выражение «шум сосен» на «шумящий бор».

Бор шумит порывисто и глухо
Над землей угрюмой и греховной.
Кротко ходит по миру Шалуха,
Вдаль гонима волею верховной.

«Сосны-вековухи» так же грустны, как и бывшая разбойница Шалуха, которая несёт в себе сознание греха и память «о любви разбойника печальной».

Хотелось бы подчеркнуть, что лесная сказка «Разбойник Ляля» открывает новые грани поэтического таланта Рубцова, связанные с новым для него жанром — поэтической сказкой, которая очень близка к поэме, так как в ней особое языковое пространство, глубина философских и художественных поисков в раскрытии русского национального характера: безбрежность души и нравственные тупики, связанные с отступлением от бога, от общечеловеческих истин. Поэма всегда связана с другими гранями творчества поэта. Наличие сквозных образов: ветра, моря, пути-дороги подтверждает нашу мысль.

Судьба героев этого произведения причастна и к жизни мира, и к жизни народа, и в каждом из героев отражена стихия русского национального характера. Г. Гессе считал, что особенностью русской души является религиозно-нравственный синкретизм, при котором в одном человеке могут уживаться и буян, и нежнейшая душа, законченный эгоист и герой, способный к самопожертвованию. Поляризация нравственных принципов в душе одного и того же человека была вызвана самой российской историей, которую Н. Бердяев называл одной из самых «мучительных историй»: борьба с татарским нашествием, всегдашняя гипертрофия государства, тоталитарный режим Московского царства, смутная эпоха, раскол, насильственный характер петровской реформы, крепостное право приводили и к самосжиганию, и к разбойничьей вольнице, и к идее странничества и богоискательства русских людей. И Пушкин, и Рубцов стремились к правде жизни и к отражению в своих произведениях стихии русского национального характера.

В душе Ляли идёт борьба между «светом» и «тьмою» (эта внутренняя борьба отражена в самом языке сказки, а в частности, в насыщенности текстуальными антонимами («светлая луна

и «лесной мрак» и другими). Сила недюжинной природы разбойника Ляли постепенно открывает перед ним новые горизонты судьбы, и кажется, что вот-вот он порвёт «со смутной жизнью». Проснувшееся чувство любви к княжне преобразует его душу, но стихия негативных чувств к Бархотке не позволяет Ляле справиться с собой, потому что негативными чувствами нередко управляет рефлексия.

Характер Бархотки абсолютно лишён романтического ореола, он реалистически точен. Ляля обещал отдать своё богатство за то, что Бархотка привезёт «знатную молодку». Бархотка выполнил просьбу атамана, однако Ляля не сдержал своего слова. Бархотка охвачен злобой, и фактически доверившегося ему Лялю застаёт врасплох. Чувство мести ослепило его ум, и теперь он готовит Ляле нравственную пытку, сопровождая свою речь зловещим юмором.

— Где княжна? — вскричал разбойник Ляля
Сквозь тугой порыв лесного гула.
И сказал Бархотка, зубоскаля:
— Вечным сном княжна твоя уснула...
... — Атаман! Возлюбленная ваша
Вас в раю небесном ожидает!

Финал сказки мелодраматически печален:

Тут сверкнули ножики кривые,
Тут как раз и лёгкая заминка
Происходит в повести впервые:
Я всего не помню поединка.
Но слетелась вдруг воронья стая,
Чуя кровь в лесах благоуханных,
И сгустились тени, покрывая
На земле два тела бездыханных...

Некоторые издания на этой грустной ноте заканчивают повествование сказки, как, например, в книге «Последняя осень»¹, где не напечатаны почему-то две последние главы сказки. Исходя из

¹ Рубцов Н. М. Последняя осень. Стихотворения. М.: Эксмо-Пресс, 2000.

такого принципа развития сюжета можно с иронией заявить, что Рубцов написал поэтический триллер: «воронья стая», «чёрные тени», «на земле два тела бездыханных». Но ведь самый главный смысл несут в себе две последние главы, где всё мудро соединено в русскую национальную стихию: и природа, и человек, где самые важные истины — «о причастности смертного человека к вечной жизни мира, народа, когда открывается сокровенная правда мира, осмысливается идеал, цель движения, стремление сохранить чистоту души» (Ю. Селезнёв. «Подорожники»).

Бор шумит порывисто и глухо
Над землёй угрюмой и греховой.
Кротко ходит по миру Шалуха,
Вдаль гонима волею верховной.
Как наступят зимние потёмки,
Как застонут сосны-вековухи,
В бедных избах странной незнакомке
Жадно внемлют дети и старухи.

Мотив убийства не главный в «Разбойнике Ляля». Две последние главы сказки отражают мотив покаяния, очистительных страданий. Движение души в сторону любви и добра, света началось в душе Ляли, но завершение получило в душе женщины, которая когда-то «ласкала» Лялю, а после смерти стала богомолкой, которая «к людям всем» испытывает «жалость» и рассказывает им исповедально историю о «любви разбойника печальной». Вот самое главное — стихия добра, живущая в русской душе, как её естественное состояние.

Лаконизм, простота, искренность повествования и глубокое осознание нравственных законов, духовных заповедей русского человека — вот что объединяет два значительных произведения русской литературы: поэму Пушкина «Братья-разбойники» и лесную сказку «Разбойник Ляля» Николая Рубцова, к которым в полной мере можно отнести слова И. Ильина, сказанные о Пушкине: «Пушкин показал, что искусство чертится алмазом: что «лишнее» в искусстве нехудожественно, что духовная экономия, мера и искренность составляют живые основы искусства и духа вообще».

Василий Оботуров считал, что, написав сказку «Разбойник Ляля», Рубцов почувствовал «какой-то перевал в своём творчестве, иногда пугался этого, «но поиск подсказал бы ему новые возможности». Николай Коняев не считает «эту поэму-сказку некоей вершиной в творчестве гениального поэта Рубцова», но назвал её «вполне профессиональной работой», первым и достаточно успешным шагом на новом поприще». Приходится только сожалеть, что творческий поиск Рубцова прервался из-за его трагической судьбы.

Ведь ему был дан талант великого художника слова, поэтический дар, позволяющий в двух словах вместить описание целой жизни, нарисовать исторический пласт народной стихии. В XXI веке многие «собратья по перу» Рубцова так и остались для современного читателя в нише шестидесятников, а Рубцов стал нашим современником, потому что, как и Пушкин, своим поэтическим словом он отражает постоянные запросы русского духа. Иногда он вырастает в своих стихах до пушкинского «пророка», отклоняющего мирские радости и взваливая на себя тяжёлые вериги времени, муки подвижничества, становясь Ангелом пробуждённого сознания русского народа, Ангелом Родины.

Пушкинская и рубцовская поэзия — это светлый храм, обитель, куда мы идём, чтобы «светлое провидение осенило наши души». И каждый из нас, входя в эту обитель, с трепетом замирает перед её главной святыней — словом, которое хранит в себе вековую память святой Руси.

Если душа поэта подвержена только влиянию тьмы и хаоса, она будет холодной и бессильной перед лицом вечности. Эту мысль автор данной работы пытался донести начинающим авторам, которые представили свои поэтические сборники на школьную олимпиаду. Грустно было читать поэтические тексты, где шестнадцатилетние авторы, называя себя поколением «минор», констатировали свои открытия Мира и Человека в таких выражениях:

«Человек — это зло без граней и рамок».

«Мы все грызёмся за счастья кусок».

«Не для нас в этом мире вера и Бог».

«Тёмный сон губит всё вокруг,
Наплывает на разум мой,
Закрывая его от мира сего,
Окружает его чёрным туманом».

Читаешь эти стихи — и попадаешь в какую-то леденящую пустоту, с «прогнившими реками», «распатыми у дорог деревьями», с «ангелами без крыльев», с «ветром, который душит последнюю мечту», и не возникает никакого другого желания, как «выпасть вниз, в страну теней» (Фридрих Ницше).

Беседуя с ребятами, я старалась объяснить, что стихия света — это самая мощная стихия в душе Пушкина, вот почему его стихи «свежи и вечно юны».

По роду своей профессиональной деятельности мне довелось встретиться с учредителем Пушкинского приза в России — Сашей Аберкорн. Она — потомок Романовых и Александра Пушкина. В её сборнике стихов «Перо жар-птицы» мне интересны были её ассоциации с именем Пушкина. Вот они: «Пушкин — уголь чёрного дерева, неистовый и неудержимый огонь», «мерцающее пламя», «уголь слишком горячий, его не удержать надолго, он насквозь прожёт саму ткань времени».

Стихия света — одна из главных и в поэзии Н. Рубцова. В. Кожин писал: «Можно с полным правом утверждать, что стихия света выступает так или иначе в каждом зрелом стихотворении Рубцова, а множество его вещей всецело основано на этой стихии».

Именно к свету истины ведёт нас поэзия Пушкина и Рубцова. Дорогами и бездорожьем мы идём на «русский огонёк» их души к общечеловеческому идеалу, потому что их поэтическое слово органически сливается с русской жизнью и отражает запросы русского духа, врываясь в наши сердца, как очистительный дождевой поток, чтоб смыть «ужасные обломки» времени и наполнить нашу душу добром. Но только надо смотреть на современную Россию добрым, открытым взглядом, как смотрели на неё два её сына: А. С. Пушкин и Н. М. Рубцов.